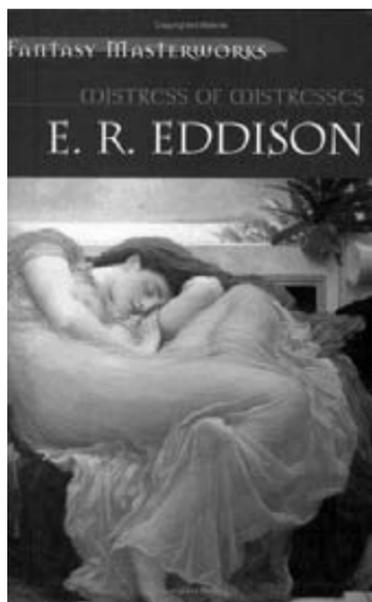
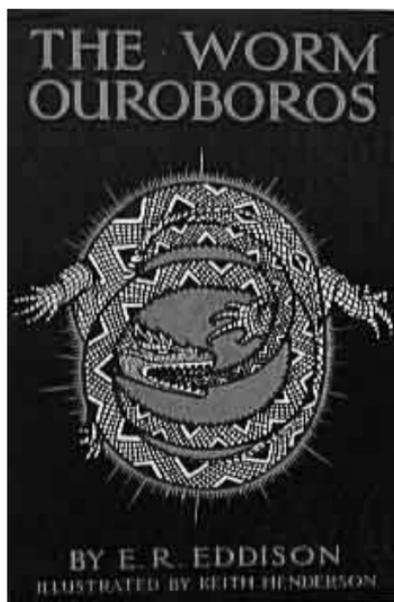

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ * СОКРОВИЩНИЦА НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Эрик Рюкер
Эдиссон

Змей Уроборос. Повелительница повелительниц

E.R. Edison. The Worm Ouroboros. 1922
Перевод - А. Вироховский

E.R. Edison. Mistress of Mistresses. 1935
Перевод - А. Сумин

Издательство ООО «Международный центр фантастики»
111250, г. Москва, ул. Красноказарменная, д.9, подъезд 9
тел./факс (495) 918-10-87

Лицензия ИД № 00068 от 6 сентября 1999 г.

Подписано в печать 21.08.2012. Формат 60x90 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 49. Тираж 100 экз. Зак. № .

Э. Р. Эдиссон

Змей Уроборос. Повелительница повелительниц: Фантастические романы. — М.: Международный центр фантастики, 2012. — 720 с.

ISBN 978-5-88483-073-8

Змей Уроборос

*У. Дж. Э. и моим друзьям
К. Х. и Дж. К. Л. М. я посвящаю эту книгу*

Это не аллегория и не сказка, а История, которую надо читать ради нее самой.

Все имена я пытался писать как можно проще. В имени Карсё ё — длинное, в Крозеринг о — короткое и ударение на этот слог; в Корунд — ударение на первый слог, в Презмира — на второй, в Брандох Даха — первый и четвертый, Горис — на последний; Кориний рифмуется с Фламиний, Гелинг с селинг, Ла Фириз с дезире из, х — всегда гортанное, как в лох.

Э. Р. Э.
9 января 1922 г.

Над быстрой речкой верный Том
Прилег с дороги отдохнуть.
Глядит: красавица верхом
К воде по склону держит путь.

Зеленый шелк — ее наряд,
А сверху — плащ красней огня.
И колокольчики звенят
На прядках гривы у коня.

Ее чудесной красотой,
Как солнцем Том был ослеплен.
— Хвала Марии Пресвятой! —
Склоняясь ниц, воскликнул он.

— Твои хвалы мне не нужны,
Меня Марией не зовут.
Я — королева той страны,
Где эльфы вольные живут.

Побудь часок со мной вдвоем,
Да не робей, вставай с колен,

Но не целуй меня, мой Том,
Иль попадешь надолго в плен.

— Ну, будь что будет! — он сказал. —
Я не боюсь твоих угроз! —
И верный Том поцеловал
Ее в уста краснее роз.

«Томас Рифмач»*

ВСТУПЛЕНИЕ

БЫЛ человек по имени Лессингем, и жил он в Вастдейле, в старом невысоком доме, который стоял в старом сером саду, заросшем тисами — эти тисы еще саженцами видели нашествие викингов на Коупленд. По краям сада цвели лилии, розы и шпорник, а на клумбах перед парадным входом — большие как блюдца, бегонии, красные, белые, розовые и лимонные. На стены карабкались жимолость, ломонос, алый талинум и ползучие розы. Деревья с толстыми стволами росли и за садом, везде, кроме северо-востока, где виднелось одинокое озеро, а за ним — высокие горы: из-за ровных и четких очертаний Скризов поднимал увенчанную скалами голову к небу могучий Габель.

Холодные длинные тени тянулись к теннисному корту. Воздух светился золотом. На деревьях ворковали голуби; на ближайшем столбе, к которому была прикреплена сетка, резвились два зяблика, по дорожке бежала маленькая трясогузка. За открытой стеклянной дверью, выходящей в сад, была видна столовая, обшитая старым темным дубом с яacobинским столом, уставленным вазами с цветами, серебряной посудой, стеклянными бокалами и блюдами из веджвудского фарфора со сливами, персиками и зеленым мускатным виноградом. Лессингем лежал в гамаке и сквозь голубой дым послеобеденной сигары любовался розами «Слава Дижона», подступавшими к окну. Он держал ее за руку. Это был их Дом.

— Не дочитать ли Няля? — спросила она.

Она взяла тяжелый том в выцветшей зеленой обложке и прочла:

— В ночь на воскресенье, за двенадцать недель до зимы, Хильдиглум вышел из дому и услышал сильный грохот. Ему показалось, что земля и небо трясутся. Хильдиглум посмотрел на

* Перевод С. Я. Маршака.

запад и увидел там огненный круг и в нем человека на сером коне. Этот человек скакал во весь опор и быстро пронесся мимо. В руках у него была пылающая головня. Он проехал так близко от Хильдиглума, что тот мог хорошо рассмотреть его. Он был черен как смола. Он сказал громким голосом такую вису:

Скачет мой конь —
Влажная челка,
Иней на гриве,
Зло я несу.
Горит головня,
Отравы полна.
Козни Флоси —
Огонь на ветру.
Козни Флоси —
Огонь на ветру*.

Хильдиглуму показалось, что он бросил головню на восток, в горы, и там вспыхнул такой большой пожар, что гор не стало видно. Хильдиглуму показалось затем, что он поскакал на восток, в огонь, и там исчез. Затем Хильдиглум вошел обратно в дом и долго лежал без чувств, прежде чем снова пришел в себя. Он помнил все, что увидел, и рассказал своему отцу, а тот велел ему рассказать Хьяльти, сыну Скегги. Хильдиглум поехал и рассказал ему.

— Ты видел призрак, — сказал Хьяльти. — Это не к добру.

На время наступила тишина, а потом Лессингем внезапно предложил:

— Что ты скажешь, если сегодня мы переночуем в восточном крыле?

— В Комнате Лотосов?

— Да.

— Сегодня мне лень, дорогой, — ответила она.

— Что, если я пойду один? Вернусь к завтраку. Хотелось бы, чтобы моя дама пошла со мной, но мы сможем сходить опять, когда луна пойдет на убыль. Моя лапочка не испугается, а?

— Нет! — засмеялась она. Но ее глаза округлились, а пальцы затеребили цепочку от часов. Спустя некоторое время она опять заговорила. — Я бы хотела, чтобы ты пошел попозже и взял меня с собой. Здесь все так странно: и Дом и вообще все; я так это люблю. А кроме всего прочего, в Комнате Лотосов можно пробыть

* «Сага о Ньяле», перевод М. Стеблин-Каменского.

очень долго, иногда несколько лет, даже если вернулся наутро. Лучше бы нам пойти вместе. Тогда, если что-нибудь случится, то мы оба влипнем, и не важно, насколько сильно, ведь так?

— Мы оба что? — спросил Лессингем. — Боюсь, твоя манера выражаться... это не то, чего бы мне хотелось.

— Ты сам учил меня! — напомнила она, и оба рассмеялись.

Они сидели так, пока на корт и деревья не напозднили тени, а высокие каменные плечи гор не загорелись под лучами заката.

— Если тебе захочется прогуляться по склону горы, — сказал он, — сегодня ночью можно увидеть Меркурий. Можно взглянуть на него сразу после заката.

Немного погодя, стоя среди охотящихся летучих мышей, они глядели на тусклую планету, которая показалась низко на западе, между закатом и тьмой.

— Меркурий словно указывает на меня пальцем, Мери, — сказал он. — Мне будет плохо, если сегодня я попытаюсь заснуть где-нибудь, кроме Комнаты Лотосов.

Ее рука сжала его руку.

— Меркурий? — спросила она. — Это другой мир. Далекий-далекий.

Но Лессингем только усмехнулся.

— Вовсе не такой далекий.

Тени сгустились, и они вернулись обратно. Когда они стояли в темноте под аркой, ведущей в сад, из дома донеслись ясные звуки спинета. Она подняла палец.

— Послушай! — сказала она. — Твоя дочь играет *Les Barricades**

Некоторое время они стояли и слушали.

— Она любит играть, — прошептал он. — Я рад, что мы научили ее играть. — Он замолчал, потом внезапно зашептал снова, — *Les Barricades Mystérieuses*. Что заставило Куперена дать рондо это колдовское название? Только мы с тобой знаем, что оно значит на самом деле. *Les Barricades Mystérieuses*.

Этой ночью Лессингем лежал один в Комнате Лотосов. Окна выходили на восток, на спящий лес и спящие голые склоны Головы Иллгила. Он спал спокойным глубоким сном, потому что это был Послеполуденный Дом, Дом Покоя.

Однако в полночь, когда убывающая луна повисла над горами, он внезапно проснулся. Серебряные лучи, лившиеся в от-

* «Таинственные баррикады» (фр.), рондо Франсуа Куперена (1668-1733).

крытое окно, осветили маленькое существо, сидевшее у ножек кровати: птицу, черную, круглоголовую, с коротким клювом, длинными острыми крыльями и глазами, сиявшими как две звезды. Птица открыла клюв и сказала:

— Пора.

Лессингем встал, закутался в широкий плащ, лежавший на стуле у кровати, и сказал:

— Я готов, моя маленькая ласточка. — Потому что это был дом Желаний Сердца.

В тот же миг глаза ласточки наполнили комнату звездным светом. Комната была старая, с лотосами, вырезанными повсюду: на деревянных стенах, на стульях, на кровати и на стропилах; сейчас, словно в сказке, вырезанные цветы колыхались в медленном потоке времени. Лессингем подошел к окну, ласточка сидела у него на плече. У окна его ждала колесница цвета лунного ореола; она висела в воздухе, запряженная диковинным жеребцом. Конь, но с орлиными крыльями, ноги покрыты перьями, вместо копыт — когти. Лессингем сел в колесницу, а маленькая ласточка устроилась у него на колене.

Зашумели крылья, и дикий жеребец взвился в небо. Гул ночи, обступившей колесницу, походил на шум пузырей в ушах ныряльщика, нырнувшего в глубокий бассейн под гладким отвесным камнем горного водопада. Скорость пожирала время, мир кружился; не успел Лессингем выдохнуть, как странный конь широко раскинул радужные крылья и полетел вниз, спускаясь к огромному острову, дремавшему посреди сонного моря в окружении множества островов поменьше. Страна каменных гор, зеленых пастбищ и бесчисленных озер, мерцавших при луне.

Они приземлились в воротах, увенчанных золотыми львами. Лессингем вышел из колесницы, маленькая черная птица закружилась над его головой, указывая на тисовую аллею, ведущую от ворот. И он пошел по ней, как во сне.

I. ЗАМОК ЛОРДА ДЖУССА

Об улаждающих глаз редкостях, украшавших величественный приемный зал, а также о нравах и чертах владетелей Демонландии; о посольстве, отправленном к ним королем Горисом XI, и об их ответе королю.

ПОКА ЛЕССИНГЕМ с проводником шел по травяной дорожке между рядами тенистых ирландских тисов, выстроившихся,

точно таинственные солдаты, и бдительно глядевших в темноту, звезды на востоке бледнели в преддверии рассвета. Трава была омыта ночной росой, а большие белые лилии, спавшие в тени тисов, наполняли воздух сада благоуханием. Лессингем не чуял под собой ног, а когда протягивал руку, чтобы коснуться дерева, рука проходила сквозь ветви и листья, словно свет луны сделал их бестелесными.

Маленькая ласточка слетела ему на плечо и засмеялась прямо в ухо.

— Дитя Земли, — сказала она, — неужели ты думаешь, что мы в мире снов?

Он промолчал, и она сказала:

— Это не сон. Ты первый из человеческих детей прибыл на Меркурий. Теперь какое-то время мы будем путешествовать вместе, и я покажу тебе сушу и океаны, леса, равнины и древние горы, города и дворцы сего мира, Меркурия, и странных созданий, которые их населяют. Но ты не сможешь ничего коснуться, и ни одно создание ничего о тебе не узнает, даже если ты закричишь во все горло. Мы с тобой пройдем через этот мир, невидимые и неосязаемые, как два странствующих сновидения.

Они поднялись по мраморной лестнице, которая вывела их из тисовой аллеи, и оказались на террасе прямо напротив больших ворот замка.

— Открывать ворота не нужно, — сказала ласточка, и они ступили в темноту под старинной аркой, украшенной резными изображениями странных устройств, прошли через массивные запертые ворота, чьи створки были отделаны серебром, и оказались во внутреннем дворе. — Пойдем в величественный приемный зал и там подождем. Утреннее солнце уже зажгло небеса, жители замка скоро пробудятся и встанут с постелей, ибо не любят оставаться в них, когда в Демонландии начинается день. Да будет тебе известно, о Рожденный-На-Земле, что страна эта называется Демонландией, а это замок лорда Джусса. Новый рассвет приветствует день его рождения, и на это великое празднество в замок прибыли демоны, поздравить лорда Джусса и его братьев, Спитфайра и Голдри Блазко; с незапамятных времен они, их отцы и отцы их отцов несут в Демонландии бремя власти и правят всеми демонами.

Она договорила, и в восточные окна ударили первые копыя солнца, наполнив мерцанием и утренней свежестью высокие покои; солнце загнало синие сумрачные тени уходящей ночи в самые дальние уголки, в альковы и под сводчатую крышу. Ни у одного земной владыки — ни у Креза, ни у великого короля Артура, ни у Миноса, жившего в царском дворце на Крите, ни у фараонов

или царицы Семирамиды, ни у царей Вавилона — ни у кого не было столь величественного зала для приемов, как у владыки Демонландии. Стены и колонны здесь были из снежно-белого мрамора, и каждую прожилку в нем украшали мелкие самоцветы: рубины, кораллы, гранаты и розовые топазы. Колонны, по семи с каждой стороны, поддерживали свод, перекрытия и стропила которого были из золота и украшены изящными изображениями; потолок — перламутровый. За каждым рядом колонн начинались боковые переходы, семь картин на западной стене смотрели на семь огромных окон на восточной. В конце зала на возвышении стояли три трона; их ручки образовывали пары золотых гиппогрифов, широко раскинувших крылья; ножками тронов служили ноги гиппогрифов, а каждое сиденье представляло собой драгоценный камень чудовищного размера. Слева стоял трон с сиденьем из черного опала, искрившегося серо-синим огнем, посередине — из огненного опала, походившего скорее на горящий уголь, а третье из александрита, багряного, как вино в сумраке ночи, и темного, как зеленая морская пучина при свете дня. За спинками тронов, поддерживая золотой балдахин, выстроились полукругом еще десять колонн. Вдоль стен от одного конца зала до другого тянулись скамьи из кедра, инкрустированные кораллами и слоновой костью; перед скамьями стояли столы. Пол из мрамора и зеленого турмалина украшала мозаика, на каждом турмалиновом квадрате была вырезана рыба: дельфин, морской угорь, сом, лосось, тунец, кальмар или какое-нибудь иное чудовище из океанских глубин. За тронами висели гобелены, на которых искусные руки вышили цветы змееголов, «львиный зев», «пасть дракона» и прочие подобные; на цоколях под окнами стояли скульптуры птиц, животных и ползучих тварей.

Но самым великим дивом в этом зале — невиданным и неслыханным — были капители двадцати четырех колонн, много лет назад вырезанные из цельного драгоценного камня рукой безвестного мастера; каждая капитель представляла собой чудовище, почти живое: вот гарпия из бледно-коричневого нефрита разинула в крике рот, и казалось настоящим чудом, что ее не слышно; вот летящий огненный дракон, вырезанный из желтовинного топаза; вот василиск, сделанный из одного куса рубина; вот сапфировый циклоп, чей единственный глаз казался ярко светящейся звездой лунного цвета. Саламандры, русалки, химеры, дикие лесные люди, левиафаны — все вырезаны из безупречных драгоценных камней высотой в три человеческих роста: бархатно-темного сапфира, хризолита, берилла, аметиста и желтого циркона, похожего на прозрачное золото.

С потолка, освещая огромный зал, в строгом порядке свисали семь карбункулов величиной с тыкву, а между колоннами на серебряных пьедесталах стояли девять совершенных лунных камней. Эти драгоценности впитывали свет днем и отдавали его ночью, источая мягкое розовое сияние, так похожее на лунное. Но было там и другое невиданное чудо: балдахин, висевший над тронами и инкрустированный лазуритом, казался куполом небес, на котором горели двенадцать зодиакальных созвездий, и каждая звезда каждого созвездия сияла собственным светом.

Обитатели замка просыпались, и в приемной появились слуги с метлами и щетками, тряпками и бархотками, чтобы подмести, навести порядок и начистить до блеска золото и драгоценные камни. Веселыми и гибкими были они, румяными, с прекрасными волосами. А на головах у них росли рожки. Когда же они закончили работу, зал наполнился гостями. Радостно было смотреть на движущийся лабиринт бархата, мехов и диковинных вышивок, кружев, рюшей, нарядов из тончайшего шелка, великолепных цепочек и золотых ожерелий; сверкали драгоценности и оружие; покачивались перья, которыми демоны украшали волосы, наполовину прикрывая росшие на голове рога. Некоторые сидели на скамьях или опирались на полированные столы, другие прохаживались туда-сюда по сверкающему полу. Среди них были и женщины, столь же прекрасные, сколь и знаменитые: вот белорукая Елена, там Аталанта Аркадская; вот Фрина, послужившая моделью для Афродиты Праксителя, а здесь Таис, которой Александр Великий разрешил сжечь Персеполис, дабы напитать ее воображение: Темный бог похитил ее с цветущих полей Энны, и она стала царицей всех давно усопших мертвых.

Вдруг толпа возле высоких дверей заколыхалась, и Лессингем увидел крепко сложенного демона, с благородной осанкой, роскошно одетого. У него было румяное лицо, кое-где обрызганное веснушками, широкий лоб и спокойные внимательные глаза, синие, как море. Концы густой рыжей бороды, разделенные надвое, торчали назад и вверх.

— Поведай мне, маленькая ласточка, — сказал Лессингем, — не это ли лорд Джусс?

— Нет, это не лорд Джусс, — ответила ласточка, — но мало кого так уважают, как его. Ибо ты видишь Волле, обитающего в Картадзе, на берегу соленого моря. Он — великий мореплыватель, опора Демонландии и всего мира, отличившийся в последних войнах против вурдалаков. Лучше переведи взор на дверь. Видишь, там стоит в кругу друзей высокий демон, немного сутулый, в серебряных латах и старом парчовом плаще, расшитом

потускневшим золотом; он похож на Волле, но лицо у него смуглее, а борода — чернее.

— Вижу, — сказал Лессингем. — Это вне всяких сомнений лорд Джусс!

— О нет, — возразила ласточка. — Это Визз, брат Волле, самый богатый из демонов, за исключением трех братьев и лорда Брандох Дахи.

— А это кто? — спросил Лессингем, указывая на еще одного гостя с легкой походкой и веселыми глазами, который как раз подошел к Волле и завязал с ним оживленный разговор. Лицо у него было симпатичное, только нос чуточку острый и длинный; сильный мужчина, живой и жизнерадостный.

— Вглядишься в него, — сказала птица. — Лорд Зигг, прославленный укротитель лошадей. Его любят все демоны, ведь он всегда в хорошем расположении духа и к тому же великолепный боец. Видел бы ты его, когда он со своим конным отрядом выступает против врага.

Волле вздернул бороду и весело рассмеялся, когда Зигг шепнул ему на ухо какую-то шутку, и Лессингем наклонился вперед, пытаясь расслышать. Увы, все слова тонули в шуме разговоров, зато Лессингем увидел, как шпалеры за возвышением на мгновение разошлись и кто-то, одетый с королевской пышностью, прошел мимо тронов в зал. Он шел небрежной легкой походкой, как только что проснувшийся гибкий, изящный хищник, и с ленивой грацией приветствовал множество друзей, радостными криками встретивших его появление. Очень высок был этот лорд, но и очень строен, как девица. Он облачился в тунику, алую, как шиповник, с вышитыми на ней цветами и молниями. Драгоценные камни сверкали на его левой руке, на золотых наручах и на повязке, обвивавшей его золотые локоны, в которые он воткнул перья Феникса, царя птиц. Рожки его были выкрашены шафраном и украшены тонкой золотой филигранью, а котурны обшиты золотом. На поясе висел меч, узкий и гибкий, с рукоятью, украшенной бериллами и черными бриллиантами. Странно легкой и изящной была его фигура, и, тем не менее, в ней чувствовалась скрытая сила, как в стройном заснеженном пике, заметном издали в красных утренних лучах. Красивое лицо с легким румянцем скорее подошло бы девушке; оно выражало легкую печаль, смешанную с презрением, но время от времени в прекрасных глазах вспыхивали искры и вокруг рта, под усами, на миг появлялись решительные складки.

— Наконец-то, — прошептал Лессингем, — наконец-то лорд Джусс!